

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИИ: ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Исследуется проблема организации экономического роста в российской экономике, выделяются компоненты ВВП, которые являлись ранее и могут стать вновь факторами-локомотивами новой модели роста. Прежде всего, к ним относятся совокупные расходы на потребление домохозяйств и государственное управление (С+G), а также валовые инвестиции (I). Однако, кризис 2015-2016 гг. обусловлен как раз сдвигом по этим факторам роста, когда динамику определял чистый экспорт и ухудшение темпа роста по факторам-локомотивам. Возникает парадоксальное условие, когда экономическая политика углубила развёртывающуюся в России рецессию именно посредством внешнего шока, который через девальвацию запустил в стране импортированную инфляцию, но антикризисные действия продолжили ухудшать состояние факторов-локомотивов роста, улучшая чистый экспорт, позитивная динамика которого только и противостояла увеличению спада в российской экономике 2015 года. Управление экономическим ростом предполагает его организацию за счёт дифференцирования экономической политики по компонентам использования ВВП, а именно: совокупному потреблению, занимающему более 50% в структуре валового продукта, а также, валовым инвестициям, причём на первом этапе запуска роста, видимо, необходимо стимулирование именно потребительского сектора. Для этого требуется отказаться от рестриктивной бюджетной и денежно-кредитной политики, которые ущемляют именно эти две основные компоненты экономического роста в России.

Ключевые слова: экономический рост, управление, структура ВВП по расходам, потребительские расходы, валовое накопление,

1. Экономический рост в России: мифы и реальность

Анализируя проблему экономического роста в России, можно чётко констатировать, что, во-первых, на протяжении 2010-2014 гг. наблюдалось неуклонное сокращение темпа роста, с переходом в 2015 году в отрицательную область значений, то есть возникновением спада до -3,7% ВВП, во-вторых, указанная динамика вплоть до конца 2014 года сопровождалась относительным сдерживанием инфляции, которая возросла при девальвации 2014-2015 гг., которая в существенной степени вызвала дополнительный рост цен (через «импортированную инфляцию»)

Экономический рост, вне всяких сомнений, выступает своеобразным общественным благом, поскольку, при прочих равных, выражает улучшение

жизни населения и расширяет возможности перераспределения и использования различных ресурсов, создавая мощные стимулы для «социального оптимизма». Однако, продолжительность периода роста, качество самого роста, связанное с изменениями в структуре растущей экономики, определяются тем, каким образом организуется экономический рост. В этом смысле организация роста выступает центральной функцией управления ростом – и сводится к мерам экономической политики, изменяющим динамику элементов использования ВВП, задающих институциональные факторы этой динамики. Общие установки макроэкономической политики исполняют роль сильных генераторов экономического роста, либо свёртывания роста. Если их научная обоснованность низкая, то эти установки будут мешать организовать экономический рост, наоборот, породить, усилить или пролонгировать спад экономики. Поэтому так важно дать оценку этих исходных макроэкономических установок и целей, разобраться как на теоретическом, так и прикладном уровне анализа, насколько эти исходные положения адекватны той экономической системе, динамику которой они призваны изменить в позитивном направлении. Проблема оценки адекватности установок правительственной политики связана с тем, что анализ эмпирических фактов динамики системы, с одной стороны, конечно, является в некотором смысле верификатором действий правительства, но, с другой стороны, сами факты прошлого периода (накопленный опыт), отражают влияние предыдущих действий, причём не только совершаемых в данный период, но и накопленных, включая кумулятивный эффект изменений в самой рассматриваемой (исследуемой) экономической системе. Однако, данная проблема, хотя и с трудом, но может быть разрешена, особенно тогда, когда можно выделить точные интервалы смены установок экономической политики, например, переходы от рестрикций, к экспансионистским действиям. Безусловно, экономическая политика любого правительства является довольно дифференцированной, содержит целый набор различных инструментов и способов воздействия на параметры макроэкономической системы, так что возможны различные сочетания различных мер воздействия, однако, важен общий вектор проводимой политики, который и образует стержень макроуправления системой, и исходит из базовой установки. Если набор действий не приводит к результату, то его можно считать неадекватным целям развития. При этом возникает проблема верной формулировки этих целей. Так, если считать целью инфляцию, а не экономический рост и справедливое распределение дохода, то цель по инфляции может быть достигнута ценой роста и углубляющегося неравенства. Тогда возникает вопрос: считать ли эту цель обоснованной и необходимой, а её достижение успехом макроэкономической политики? В управляемой (социальной) системе всегда существует совокупность целей развития (функционирования), причём выявляется иерархия целей, при том, что отдельные цели могут оказаться совсем не связанными, либо даже противоречивыми, когда достижение одной цели

можно осуществить только, нарушив движение по другим целям развития системы. Этот момент не может не учитываться при организации экономического роста в России, при планировании экономической политики. Противоречия по целям также обусловлены ещё и изменяющимися связями между параметрами макроэкономической системы, например, ростом, инфляцией и безработицей, инвестициями, потреблением, сбережениями и ростом и т.д. Со временем изменяется не только связь между параметрами, но и изменяется вес фактора, который выступает основным генератором данного темпа роста. Изменение этого веса, по сути, означает, что рост происходит уже в силу иного фактора, с другим весом, либо даже группы факторов. Задача экономической науки, да и макроуправления в том, чтобы, в идеале, поймать этот момент, лучше, если предсказать его, что и даст повышение адекватности проводимой политики роста. Именно эта задача с большим трудом решается наукой в настоящее время. По большому счёту, её можно считать пока не решённой, хотя инструменты и модели, позволяющие приблизиться к точному решению, всё-таки имеются, с той оговоркой, что трудно отделить накопленные действия, решения и гистерезис, а также инерцию состояния самой системы. Вместе с тем, по отдельным связям параметров вполне можно дать чёткие теоретические формулировки, с помощью которых трансформировать представления о сложившихся мифах – стереотипах макроэкономической политики роста. Выделим применительно к России и проводимой правительственной экономической политики несколько таких опасных мифов, затрудняющих повышение гибкой политики организации роста. Рассматривая ниже каждый миф отдельно, приведём его содержание и теоретические контраргументы, которые позволят изменить управление экономическим ростом, если выстроить систему макроэкономического управления с учётом этих аргументов.

Миф №1. *Для организации экономического роста необходимо подавить инфляцию до 4% в среднем к 2017 году. Примерно такая целевая установка для организации роста была принята ЦБ РФ и Правительством РФ ещё в 2014-2015 гг. до девальвации и сползания в область отрицательного темпа роста. Кроме того, неоднократно утверждалось, что увеличение денежной массы (допечатывание денег), вызовет сильную инфляцию.*

Не будем ставить вопрос, откуда появилась цифра в 4% как ориентир политики таргетирования инфляции ЦБ РФ, почему не 3% и не 5% или 5,5%? Низкий уровень обоснованности подобных целей является прямым подтверждением мифических установок экономической политики. Этому есть и более глубокие теоретические причины. Проблема в том, что экономический рост относительно динамики цен действительно может быть двух типов: 1) рост, когда повышательная динамика цен тормозит его темп; 2) рост, сопровождаемый повышательной динамикой цен. Эти типы или режимы роста могут измениться с течением времени для конкретной страны, зависеть от хозяйственной структуры и действующих экономических

институтов. Важно установить, какой сложился тип роста к настоящему моменту и каким-то образом оценить возможное изменение этого режима. Даже если будет точно определено, что инфляция существенно тормозит экономический рост, поэтому нужны жёсткие антиинфляционные меры для организации роста, то всё равно потребуется дать оценку той инфляции, которая приемлема для необходимого темпа роста, и снижение инфляции ниже некоторого уровня, будет приводить к торможению роста. Следовательно, такое снижение не продуктивно. Иными словами, как показывают исследования автора по мировой экономике и отдельным странами, существует некий уровень инфляции, отвечающий наибольшему из возможных значению темпа роста данной экономики на рассматриваемом периоде времени¹. И если ставится задача обеспечить наибольший из возможных темп роста, то тогда надо рассчитывать именно на соответствующую ему инфляцию. Когда в России в многочисленных дискуссиях говорят о темпе в 3-4%, либо о рывке в 5-8%, что на это имеются ресурсы, то почему-то никогда не отмечают, какой должна быть инфляция для роста в 3-4 и для роста скажем в 5-6%. Инфляция, соответствующая этим темпам, наверняка будет различной. Безусловно, полезно, хотя бы ориентировочно знать, какой именно она будет в каждом случае. Отсюда и необходимо формировать задачи по таргетированию, рассматривая их как неотъемлемый атрибут политики роста, а не самостоятельное условие для организации роста в стране. Лучшее таргетирование – это таргетирование по номинальному ВВП (хотя и сложнее), либо по темпу роста, что по постановке задачи ориентирует денежные власти на реальные, а не вспомогательные цели. Миф, что увеличение денежной массы приведёт к инфляции разрушает элементарно аргументом относительно периода времени, за который увеличение будет осуществляться и на какую величину. Если инфляция провоцируется денежным фактором, то период времени увеличения массы и скорость увеличения не могут не оказывать влияния на темп увеличения цен. Однако, если нет чётких доказательств монетарной основы инфляции, тогда динамика цен будет мало чувствительна к росту денежной массы, для данной экономической системы. К слову нужно отметить, что сторонники монетизации российской экономики, к числу которых относится и автор, не дают ответа на вопрос, как, например, поквартально в ближайшие три года должна расти денежная масса, поддерживающая рост, и какую долю от ВВП она должна составить к намеченному сроку и почему. Справедливости ради отметим, что и денежные власти России не дают подобных точных оценок. В итоге образуется дискуссия, которую можно обозначить «вокруг да около», но то, что денежно-кредитная политика рестриктивного содержания не полезна, легко наблюдается по реакции развития экономической системы России. Кстати, отсылки к уровню монетизации иных стран оказываются бесполезны,

---

¹ Подробнее см. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014 (2015), а также: Сухарев О.С. Адекватность стратегии опережающего развития России в глобальных изменениях// Экономический анализ: теория и практика, 2013 - №47(350) – С.2-15.

ибо институты, экономическая структура, динамика развития и накопленные её эффекты – совершенно отличаются, поэтому прямые параллели и рекомендации в области денежно-кредитной политики для конкретного момента оказываются невозможными, без определённых оговорок, которые от случая к случаю могут оказаться главнее содержания рекомендации.

Миф №2. *Сдерживание роста заработной платы будет залогом выхода из рецессии к 2018-2019 году, причём рост заработной платы не должен следовать без роста производительности труда.*

При сдерживании заработной платы возникнет эффект ограничения совокупного спроса и потребительских расходов (С), что с учётом влияния той компоненты на ВВП, будет действовать не только в направлении торможения роста цен, но и экономического роста. Однако, торможения роста цен может и не произойти, так как сокращение потребления коснётся импорта в большей степени. При недостаточном предложении отечественной продукции, такая политика в области заработной платы, не обернётся существенным торможением роста цен (да и спираль цена-зарплата была в России не столь очевидным источником инфляции). К тому же, перераспределительный эффект в сторону сохранения прибыли и возможного её реинвестирования, даст владельцам производств с одной стороны, возможность обновить основной капитал, но, с другой стороны, приведёт к росту цен основного капитала. Как известно, он в существенной степени поступает по импорту, что даст больший вклад в повышательную динамику цен, нежели вклад торможения роста заработной платы в понижательную динамику цен. Такой сценарий вполне возможен, что не может не учитываться при планировании экономической политики и составлении прогнозов от предпринимаемых правительственных действий. Эффект сдерживания роста заработной платы будет много хуже, нежели обеспечение её роста, особенно если учитывать ещё и социальные аспекты подобной политики в области доходов.

Производительность труда – это показатель, который зависит не только от собственно труда, но и от обеспеченности его фондами, от технологичности системы, включая систему управления. Если заработная плата низка, труд недооценён и в стране имеются серьёзные социальные проблемы, а производительность труда сокращается по причине не фактора «труд», а фактора «капитал», низкой технологичности системы, то привязка роста заработной платы к производительности труда, при высоком бремени, труда, выглядит ущербной в аналитико-интеллектуальном смысле конструкцией. В таких условиях, повышение заработной платы, выступающей фактором здоровья и мотивации труда, может повысить производительность труда на следующих этапах развития системы. Если бремя труда велико, то повышение заработной платы будет восприниматься занятым персоналом как закономерный результат, без увеличения усилий и повышения производительности. В таком случае только обновление капитала может решить проблему роста производительности труда (за счёт автоматизации и механизации труда), а этот результат достижим, если

владельцы предпримут усилия по капитализации своего бизнеса, увеличат основной капитал за счёт обновления машин и оборудования. Для этого им придётся расстаться с частью своей прибыли – и иметь мотив на такое решение. В сильно спекулятивной экономической системе такое решение и мотив проблематичны.

Миф №3. *Инновации, промышленная политика и программы развития, определяющие приоритетные направления, являются определяющими составляющими экономического роста в России.*

Проведенные автором исследования показывают, что макроструктурные ограничения роста в России, действующие институциональные ограничения, сводимые в том числе к модели проводимой денежно-кредитной и бюджетной политики, укладываются в общие рамки «перераспределительной» и «сокращательной» логики развития хозяйства, но не логики наращивания результатов, что делает инструменты в рамках программ развития довольно условными, как и характер продвижения по установленным приоритетам. Идея, будто в России решались проблемы развёртывания национальной инновационной системы при отсутствующей промышленной политике вообще не выдерживает критики, ибо промышленная политика присутствовала в виде программ, законов (региональных о промышленной политике, которые принимались много ранее принятого Федерального закона о промышленной политике, во второй половине и на исходе 1990-ых гг.), но она не смогла уберечь промышленность от убыли именно по указанным выше причинами – институциональные трансформации оказались сильнее таких мер промышленной политики. Аналогичный аргумент затрагивает и область инноваций, которые не могут и не должны быть самоцелью экономической политики. Они не могут рассматриваться вне сферы и форм промышленно-технологического развития.

Инновации с большим трудом возникают в экономике в фазе кризиса, поскольку ограничены ресурсы, производства испытывают трудности на рынках, которые не готовы принять новые продукты, внедрение новых технологий и процессов, способов организации также ограничено. Наибольший эффект обычно дают усовершенствования, имитация чьих-то достижений и т.д. Только в фазе оживления расширяющиеся возможности могут создать условия для возникновения и дальнейшего тиражирования инноваций, причём накопление инноваций и расширение их числа могут спровоцировать возникновение очередного кризиса, также в силу ограничений в области ликвидности фирм, реализующих инновации. Таким образом, сам по себе инновации не могут быть целью развития, целью модернизации тем более преодоления кризиса, когда существенны потери по стереотипным (консервативным в противоположность инновационным) производствам и технологиям. Это не значит, что в экономике отсутствуют инноваторы или инновации не нужны. Важен их первичный масштаб в экономике и условия возникновения. Однако, когда инновации делают основной целью экономической политики, имея явно сжатый ресурс и

большие разрывы в области обрабатывающих секторов, то такая цель при соответствующих ограничениях является неэффективной и, более того, не обоснованной и не нужной. Развивающиеся производственные системы в силу требований развития будут инициировать инновационный процесс при соответствующих возможностях и условиях.

Экономический рост обычно тормозится, если осуществляется управление экономической структурой, принимающее вид её трансформации. Однако, возможен режим роста, когда изменение экономических пропорций будет являться правилом для самого роста, то есть, стимулировать экономический рост. Именно такой режим с учётом текущего состояния факторов и элементов ВВП, необходимо создать в России. В стратегическом смысле, и с позиций управления крупномасштабной системой именно такая постановка представляется системной и оправданной, действительно заслуживающей усилий государства по поиску сложного решения.

Смысл структурных изменений в России должен состоять в том, чтобы обеспечить перетекание ресурсов (труда, капитала, информации и др.) из финансовых, банковских секторов в обрабатывающие сектора, которые за счет обновления капитала создавали бы новые средства производства и продукцию промышленного назначения и широкого потребления. Необходим также обмен ресурсами между добывающим и обрабатывающим секторами, обеспечивающий повышательную динамику этих секторов, опережающего характера по обработке относительно добычи.

Миф №4. *Имеются свободные производственные мощности, которые являются залогом будущего экономического роста.*

Этот четвёртый миф можно, справедливости ради, считать полумифом, поскольку действительно статистические оценки показывают на цифрах наличие свободных производственных мощностей в экономике России, примерно до 40%. Однако, количественные оценки осуществляются в основном, по простому оборудованию, по его недозагрузке. При этом, такое понятие как период времени, в течение которого наблюдается такая недогрузка и состояние этих мощностей (оборудования) обычно в таких расчётах не оценивается. Таким образом, производственные мощности оказываются на бумаге свободными, незагруженными, но вопрос относительно готовности этих мощностей к загрузке остаётся открытым. Если при кризисе 1998 года, когда также наблюдалась значительная девальвация, которая обеспечила вытеснение импорта, что сопровождалось загрузкой свободных производственных мощностей и обеспечило бурный рост в промышленности, то в 2014-2015 гг. аналогичного эффекта после крупной девальвации конца 2014 года не наблюдалось. Одним из объяснений этого явления выступает как раз условие, что свободные производственные мощности не в полном объёме готовы к загрузке. Это связано не только с названной выше причиной, касающейся состояния самих мощностей, но и с кадрами, готовыми обслуживать это простаивающее оборудование, а также с новыми собственниками, которые имеют иные

мотивы, нежели собственники в 1998 году, да и структура частного и государственного контроля над производственными мощностями, включая и свободную (незагруженную) их часть совершенно иная. Поэтому монетизация экономики и экспансионистская политика правительства сейчас не позволит вовлечь эти свободные мощности в необходимом объёме, что также является ограничением организации роста в России. Кроме того, не отлаженность каналов распределения увеличивающейся денежной массы между секторами, сказывается на её переливе между обработкой и транзакционными секторами (в пользу последних) – поэтому нужны меры институционального характера, обеспечивающие этот перелив в пользу обрабатывающих секторов.

Конечно, требуется учитывать, что монетизация в виде увеличения M_2 к ВВП, скажем, от 20 до 50%, это один вид монетизации с сопровождающими его эффектами роста цен и развития, а вот если далее продолжаем увеличивать денежную массу, например, до 70-80% или 100% ВВП, то скорость увеличения, и величина этого параметра монетизации - будут по другому влиять на развитие данной экономической системы, со сложившейся и присущей именно ей структурой. Рассуждения о благостном значении этого нового параметра монетизации, без должной теоретической проработки вопроса, могут составить очередной миф, исключительной полезности такой монетизации. Остаётся ясно одно, что экономический рост заданного темпа не поддержать при демонетизации экономики, причём сам рост, включая логику экспансии, не может происходить за счёт рестрикций – это противоречит логике роста. Экономическая наука лишь должна поставит и ответить на вопрос, относительно экспансионистской системы мер, их согласованности, последовательности, связать их с системными изменениями в хозяйстве, а теория макроуправления предложить способы воздействия на конкретные параметры экономической системы (отвечая по поводу чувствительности мер и изменений параметров).

Как видим, анализ складывающихся, во многом мифических установок правительственной политики, позволяет подойти к формированию новой модели экономического роста в России, изменяя содержание этих мифических установок, показывая возможности вариаций и гибкой экономической политики.

2. Теоретическая схема анализа роста и спада в России

Примем, что создаваемый в стране продукт по компонентам использования равен: $Y = C + I + G + NX$; а также: $c = C/Y$, $n = I/Y$, $a = G/Y$, $b = NX/Y$ – структурные параметры валового внутреннего продукта по расходам, для темпа роста соответственно продукта (Y), потребления (C), валовых инвестиций (I), правительственных расходов (G) и чистого экспорта (NX) запишем соотношения: $g = (1/Y) dY/dt$; $g_c = (1/C) dC/dt$; $g_I = (1/I) dI/dt$; $g_G = (1/G) dG/dt$; $g_{NX} = (1/NX) dNX/dt$. Тогда:

$$g = g_c c + g_I n + g_G a + g_{NX} b. \quad (1)$$

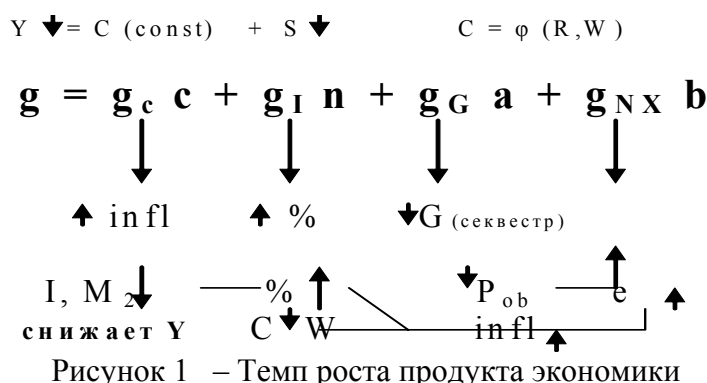
Тот из структурных параметров, который определяет наибольший вес компоненты расходов в ВВП и будет в существенной степени определять темп роста, либо его торможение. Конечно, возможна композиция по нескольким компонентам.

Изменение чистого экспорта происходит под воздействием снижения цен на нефть (экспорт снижается), девальвации (экспорт возрастает, с учётом эффект j-кривой), импорт дорожает, что отражает схема: $NX = \downarrow Ex - Im \uparrow$, цена на нефть марки бренд – $P_{ob} \downarrow - Ex \downarrow$, девальвация – $e \uparrow \rightarrow Ex \uparrow - Im \uparrow$.

Правительственные расходы, при высокой сырьевой зависимости экономики, также зависят от сырьевого экспорта, почти наполовину, либо больше. Следовательно, сокращение доходов (D) по экспорту будет действовать в направлении сокращения расходов G. Конечно, импорт, подорожав, может сильно сократиться, так что общая величина Im снизится, а не возрастёт, и торговый баланс улучшится, что сейчас и наблюдается в России. Однако, такой эффект не будет, по всей видимости, длительным. Низкие цены на сырьевой экспорт не будут позволять существенно улучшить торговый баланс, ограничивая и ресурсы правительства по величине G. Тем самым $\downarrow G = f(D) = f(\psi(NX \downarrow))$.

Логику развёртывание кризиса 2014-2015 гг. отражает рисунок 1-а. Согласно ему видно, что при девальвации $e \uparrow$, которую вызывает сокращение цены на нефть $P_{ob} \downarrow$, темп по чистому экспорту снижается, импортированная инфляция, при высокой зависимости от импорта увеличивается, провоцируя общий рост цен в стране. Это сокращает реальные располагаемые доходы населения, заработную плату W, величину прибыли (R) частник старается сохранить за счёт сокращения заработной платы. Уровень потребления, как итог таких, или близких к ним реакций, понижается $C = \varphi(R, W)$. При развёртывании кризиса, частнику не удаётся удержать и параметр прибыли R, прибыль также сокращается, хотя для этого удержания делается всё возможное, вплоть до сокращения занятого персонала и/или снижения заработной платы (первым делом отменяются все надбавки). Уровень доходов бюджета снижается в силу снижения поступлений по экспорту (хотя чистый экспорт может улучшиться вследствие существенного сокращения импорта по причине крупной девальвации), правительство оказывается перед необходимостью сокращать расходы G, что ещё сильнее снижает уровень потребления C, а также государственные инвестиции. Если в этом случае, а именно он присутствует в современной России, действовать в направлении существенного сокращения денежной массы и повышения ставки процента, то реакция системы в виде сокращения распространится на величину валовых инвестиций (I) и совокупное потребление – C. Поддержать рост станет возможно только за счёт резервов и сбережений (рисунок 1). Сокращение денежной массы, повышение процента с вытекающим сокращением инвестиций и потребления, при секвестре бюджета, даже при возвратном повышательном движении цен на нефть, восстанавливающим величину чистого экспорта, уже не сможет обеспечить восстановление роста

в том же значении. Это подтверждает и эмпирический анализ. Такова цепочка развёртывания спада 2015-2016 гг. в России.

Как видим, типичные ошибки экономической политики, сводимой к рестрикциям в области бюджетной и денежно-кредитной политики, увеличивают глубину спада и срок восстановления экономического роста в России. Рассмотрим эмпирические факты изменения структуры использования ВВП с тем, чтобы выделить ту компоненту, которая вносила или может вносить значительный вклад в организацию дальнейшего экономического роста желаемого темпа.

3. Эмпирический анализ роста по компонентам использования ВВП²

Исследуя структуру ВВП по расходам, важно установить какое влияние оказывала на темп роста каждая компонента: валовое потребление, инвестиции, правительственные расходы и чистый экспорт. Организация новой модели экономического роста может предполагать активные воздействия по тем компонентам ВВП, которые ранее давали наибольший вклад в темп роста, либо же задействовать те компоненты, чей вклад в рост был более скромным. В таблице 1 и на рисунке 2 отражена структура и динамика структуры ВВП соответственно за период 2002-2015 гг.

Таблица – 1 – Структура ВВП России по расходам, 2002-2015 гг., средняя геометрическая и доля 2015 г. к 2002 г. в %

Доли элементов использования ВВП	Средняя геом. (2002-2015)	2015 г. к 2002 г., в %
доля расходов на конечное потребление домашних хозяйств (С) в ВВП, %	46,72	122,96
доля расходов на конечное потребление государственного управления (G) в ВВП, %	19,19	82,03
доля валового накопления (I) в ВВП, %	20,25	117,03

² Данные взяты из сборников Росстат за соответствующие годы. Благодарю за помощь в подготовке и обработке данных к.э.н. С.В. Палаш

доля чистого экспорта (NX) в ВВП, %	12,60	64,61
-------------------------------------	-------	-------

Расчёт средней геометрической (табл. 1) показывает, что доля расходов на конечное потребление домашних хозяйств (С) занимала в этот период 46,7% ВВП, по сути, была определяющей, особенно если учесть и наибольший темп прироста этой компоненты ВВП (см. рисунок 3). Доля потребления увеличивалась с 39 до 52% (рисунок 2), доля чистого экспорта и государственных расходов в среднем снижались, а вот доля валового накопления в среднем оставалась неизменной, хотя до 2009 года она возрастала, затем с 2011 году снижалась (см. рисунок 2). В среднем (табл. 1) доля расходов на госуправление и валового накопления были примерно равны – 19 и 20% соответственно. Доля чистого экспорта была в среднем 12,6%. Динамика чистого экспорта оказывала сильное влияние на темп роста ВВП только в кризисные годы, а именно в 2009 и 2015 году (см. рисунок 3-4).

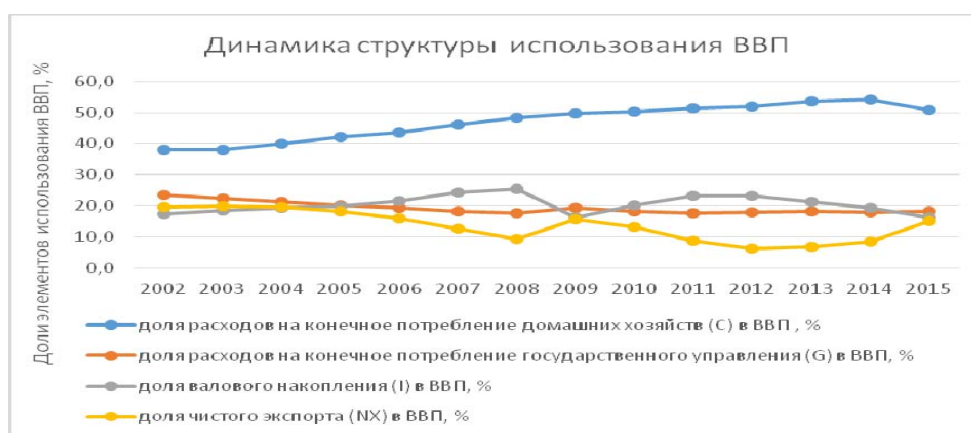

Рисунок 2 – Структура ВВП России по расходам

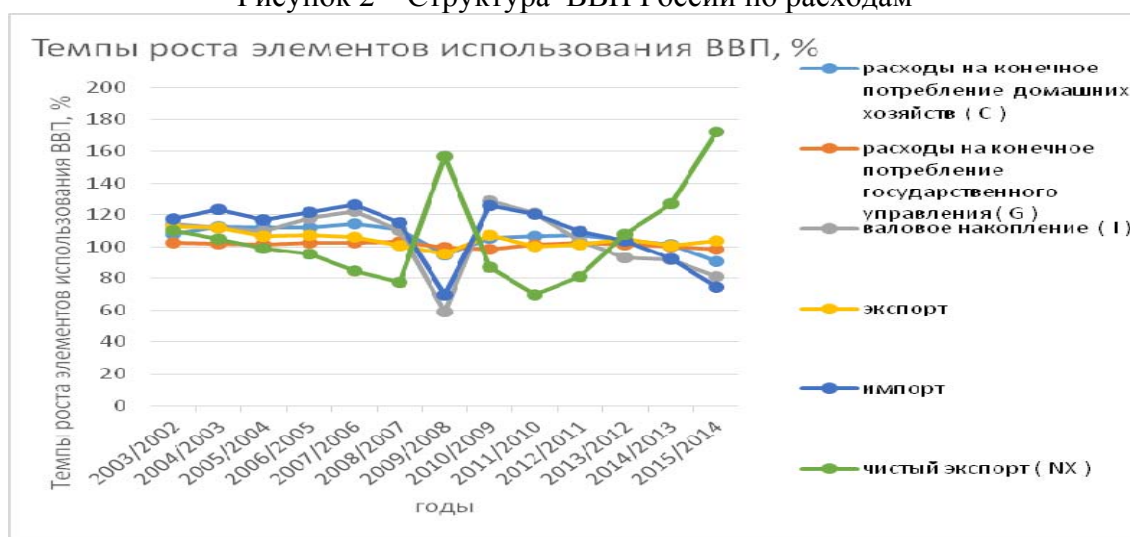

Рисунок 3 – Темпы роста элемнтов использоания ВВП России, 2002-2015 гг., %

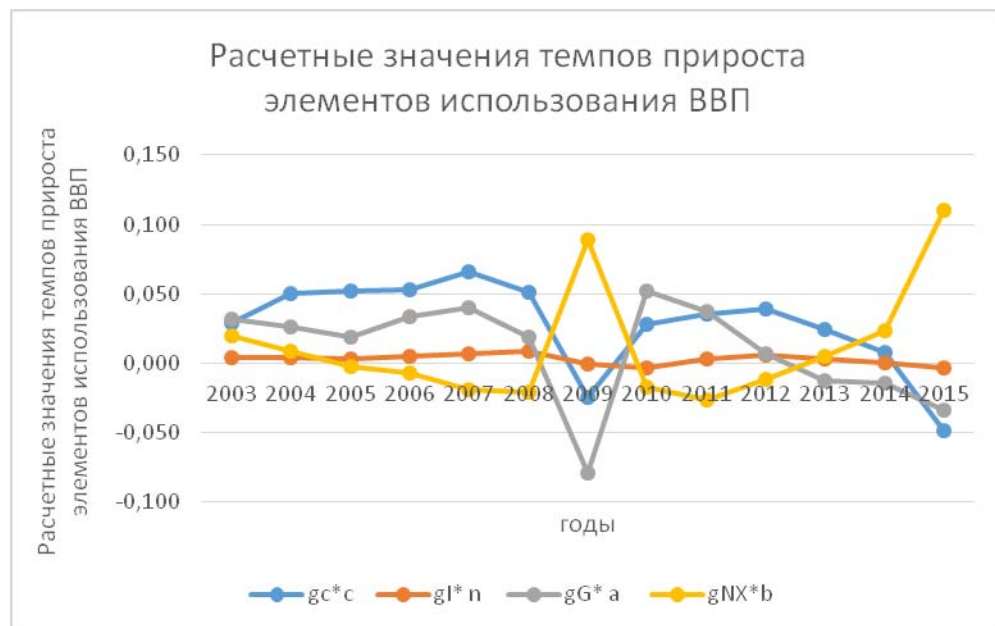

Рисунок 4 – Темпы прироста элементов ВВП по формуле (1)³

Наибольший вклад в темп роста давала компонента конечного потребления домашних хозяйств, следующим по вкладу выступали государственные расходы (G), затем – валовое накопление (I), и чистый экспорт (NX). Однако, в кризисные годы, влияние компонент на динамику роста ВВП изменяется, при сохранении доля компоненты в структуре ВВП. В 2009 году по убыванию вклада в темп прироста ВВП следуют: чистый экспорт (NX), валовое накопление (I), потребление (C), государственные расходы (G). При выходе из кризиса 2009 года именно вклад государственных расходов оказался самым значительным в темп роста 2010 года (см. рисунок 4). Он снизился к 2012 году, когда на первый план по вкладу в темп роста вышли следующие компоненты: потребление (C), валовое накопление и чистый экспорт, причём чистый экспорт уже в 2013 и 2014 гг. стал оказывать второе по силе влияние на рост относительно других компонент ВВП, а к завершению 2014 года вышел на первую позицию. Таким образом, при кризисе 2015 года вклад в темп роста ВВП распределился так между компонентами валового продукта: чистый экспорт, валовые накопления, потребление и государственные расходы. Причём, важно заметить, что темп прироста всех компонент, кроме чистого экспорта, стал отрицательным, символизируя и спад ВВП в 2015 году на 3,7%. Важно отметить, что приросты всех компонент ВВП, кроме чистого экспорта, снижались в годы накануне кризиса, когда становились отрицательными. Это касается государственных расходов, потребления. Перед кризисом 2015 года прирост государственных расходов стал отрицательным (как видно по рисунку 4) ещё в 2013 году. Снижение темпа прироста потребления и валового накопления началось годом раньше – в 2012 году. Таким образом, внешний шок конца 2014 года и девальвации 2015 года, лишь усилили

³ Расчётное и фактическое значение темпов прироста ВВП получается довольно близким, наибольшее расхождение наблюдается в кризисные годы 2009 и 2015 при спаде ВВП.

подготовленную для кризиса почву. Темп роста ВВП снижался на протяжении 2011-2014 гг., потому что факторная основа роста по каждой компоненте ВВП исчерпывалась, что и подтверждают проделанные оценки (таблица 1, рисунки 3-4).

Как следует из таблицы 1, конечное потребление домашних хозяйств давало самый ощутимый вклад в прирост ВВП. Потребление в 2015 году составило 123% к уровню 2002 года, затем наибольший вклад дало валовое накопление – составило в 2015 году 117% к уровню 2002 года. Чистый экспорт дал наименьший вклад в прирост ВВП за рассматриваемый период. В период 2005-2008 гг. и 2010-2012 гг., когда отмечался рост ВВП, чистый экспорт вносил тормозящий вклад в прирост валового продукта, так как приращение чистого экспорта относительно приращения продукта было отрицательным. Государственные расходы внесли наибольший вклад в рост 2010-2011 гг., валовое накопление в 2007-2008 и 2011-2012 гг., потребительские расходы удерживали экономику от спада в 2012-2013 гг. уже при развёртывающейся автономной рецессии (рисунок 4).

Отношение валовой прибыли к заработной плате было 106% в 2003 году и затем было менее 100%, то есть, прибыль была меньше заработной платы, но это соотношение довольно сильно колебалось на рассматриваемом отрезке времени, в кризис 2009 и 2015 года оно резко ухудшалось. Тем самым, при явных проблемах кредитования экономики за счёт привлечённых средств (дорогой кредит, высокий процент), проблема использования собственных средств обострялась, усиливая эффект спада производства при демонетизации экономики и дальнейшем удорожании кредита.

Проведенный беглый анализ показывает, что выход из кризиса 2009 года в виде отскока в 2010 году на не плохой темп роста связан с влиянием государственных и потребительских расходов домохозяйств, при том, что макроэкономическая политика, построенная на принципах монетаризма, не успевала сильно ухудшить ситуацию в экономике. Это абсолютно не справедливо для кризиса 2015 года, когда исчерпание факторов роста усилилось внешним шоком, что породило сильную девальвацию, импортированную и общую инфляцию, вызывающие к действию неэффективные меры антиинфляционной политики, воздействующие на повышение стоимости денег (кредита), ограничение денежной массы, как следствие, совокупного спроса, инвестиций. Вытекающий спад из такой политики сокращает бюджетные расходы, что ограничивает возможность его же преодоления.

Обоснованное управление экономическим ростом требует выверенной по инструментам макроэкономической политики правительства, направленных на обеспечение должной динамики компонент ВВП. Учитывая вес доли потребительских расходов в ВВП и важность валовых накоплений, требуется стимулировать именно их динамику через бюджет, а также методами денежно-кредитной политик, принимая институциональные ограничения относительно импорта в пользу отечественного продовольственного рынка, а также рынков продуктов длительного

пользования. Институциональные модификации потребуются относительно валютного рынка и банковской системы с тем, чтобы снизить спекулятивный накал экономического развития, направив ресурсы в обрабатывающие контуры. Главное необходимо отказаться от тез мифов, которые продолжают действовать ориентирами современной макроэкономической политики, а структурные изменения сводить к проектированию и управлению пропорциями народного хозяйства, а не к изменениям в судебной системе, защите прав собственника, развитию малого бизнеса, судебной защите, повышению уровня образования. Отдельные из названных мер совсем не плохи, но они не имеют прямого отношения к структурным изменениям как таковым. Определённо требуется для организации экономического уровня повышать уровень монетизации соразмерно с запуском роста, а также не сводить программы замещения импорта к экспортной стратегии, как делает сейчас правительство, поскольку экспортная и замещающая импорт стратегии представляются в общем виде самостоятельными вариантами развития, и часто не сводятся одна к другой. Так перед оборонно-промышленным комплексом стоит задача интенсификации именно экспортной стратегии, ему не нужно осуществлять замещение импорта, поскольку Россия не импортирует вооружения и военную технику (за исключением случая с Мистралями, к счастью, неудачного). Замещение импорта в ОПК сводится к поставками комплектующих и элементной базы, но не к конечным изделиям. Иными словами, нужно отойти от импорта комплектующих и элементной базы. Российский концерн, поставляющий сапфиры в Южную Корею обладает экспортной стратегией, но не располагает вообще стратегией замещения импорта по данному набору изделий. Такие примеры можно множить, они имеются в российской промышленности. Более того, такому концерну и не нужна такая импортозамещающая стратегия. Поэтому, конечно, в идеале, не плохо если стратегия замещения импорта обернётся экспортной стратегией, то есть, продукция будет покупаться и за рубежом. Но по своей сути и назначению импортозамещение – это замещение импорта отечественными производствами на внутреннем российском рынке, который был подвержен «импортной атаке», принимающей уже угрожающее для развития страны значение. Приведенные возражения мне представляются принципиально важными в свете того, что правительство РФ трактует импортозамещения, сводя его именно к экспортной стратегии, так как премьер-министр заявлял, что замещение импорта только тогда эффективно, когда продукция продаётся на экспорт. Как видим, это далеко не так, и данная трактовка выступает пятым мифов дополнение к тем четырём, о которых велась речь в первом параграфе статьи.

4. Как управлять экономическим ростом в России: выводы

В заключение сформулируем основные подходы к организации экономического роста в российской экономике.

В-первых, требуется изменить, пересмотреть модель государственного управления в России, расширив функции этого управления на основе уже принятой законодательной базы. Имеется в виду закон о стратегическом планировании промышленной политики. Прекратить эксперименты, подобные реформы РАН и образования, назначение которых – цели сокращения под текущие и перспективные (сужденные) финансовые возможности. Рост – это расширение возможностей, труда, капитала, информации, технологий, это широкие серии, значительная номенклатура выпуска продукции. Это экологически чистое и дешёвое продовольствие на отечественной ресурсной базе, это наукоёмкая и обширная по охвату медицина и образование. На все эти подсистемы нужны большие затраты. Но всё это – производительные сферы деятельности людей, в отличие от спекуляции на фондовой, валютной и других биржах.

Во-вторых, экономический рост должен организовываться с учётом такой экономической структуры, которая создаст долгосрочные условия для такого роста. Следовательно, оценку изменений структуры необходимо давать, ориентируясь на влияние на каждую компоненту ВВП, темп её прироста. Это должно найти отражение в соответствующем плане, с применением методов структурного анализа и межотраслевого баланса.

В-третьих, денежно-кредитная и бюджетная политика как инструменты в новой модели роста должны чётко быть увязаны с изменением компонент ВВП, чтобы не возникало провала по целям (таргетирование инфляции) при нисходящей динамике по компонентам ВВП. Экономическая политика правительства РФ на рассмотренном интервале времени выстраивалась без учёта этого аргумента, поэтому приводила только к кризису, и в малой степени снижала его остроту когда он происходил, наоборот, даже углубляла кризис, так как тормозила прирост рассмотренных компонент ВВП (по расходам).

В-четвёртых, требуется управлять переливом ресурсов в широком значении (всех видов ресурсов) и денежно-кредитных в частности, не могут деньги, в коих существует разная потребность в различных видах деятельности предоставляться по этим видам деятельности по одинаковой стоимости (процентная ставка). В связи с чем «процентный портфель» может стать инструментом подобного управления⁴.

В-пятых, частота непродуманных институциональных изменений резко возрастает, демонстрируя значимость и работу органов законодательной власти. Однако, совсем не факт, что такое число и скорость законодательных изменений нужны экономике и обществу, гражданам страны. Проблема многих реформаций в том, что не предоставляется лаг адаптации агентов, никто из проводников реформ не ориентируется на их обоснованность, на восприятие изменений агентами системы. В итоге, изменения институтов, включая их импорт из-за рубежа, непредсказуемым образом

---

⁴ Подробнее см. Сухарев О.С. Структурные проблемы экономики России – М.: Финансы и статистика, 2010. Теория реструктуризации экономики – М.: Ленанд, 2016.

перераспределяют благосостояние, делая одних агентов баснословно богатыми других – бедными. Такие эффекты слабо изучены, но они могут влиять и влияют на перспективы роста экономической системы.

Здесь указаны лишь основные магистральные, если угодно, стратегические подходы к формированию новой политики экономического роста в России. В дополнение ко многим иным предложениям автора и других авторов – это составит общую парадигму управления ростом и создаст новые требования к управлению и форме организации современной экономической системы⁵.

---

⁵ Подробнее см. Сухарев О.С. Экономика глобального эксцесса. Институты, финансы, политика и развитие – М.: Ленанд, 2016 - 512 с.